

АМБРОЗ
БИРС

Монах и дочь палача
Паутина на пустом черепе

Издательство АСТ
Москва

Монах и дочь палача

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад — скорее всего, в 1890 году в Сан-Франциско — доктор Густав Адольф Данцигер принес мне некую рукопись. По его словам, это был его собственный перевод повести «блестящего», как он утверждал, немецкого писателя Рихарда Фосса из Гейдельберга. Поскольку доктор Данцигер в то время плохо знал английский язык, он попросил меня привести перевод в надлежащий для публикации вид. Представленный текст поразил меня открывающейся возможностью для расширения и усовершенствования сюжета, потому я и согласился на эту работу, но только с тем условием, что автор и переводчик предоставят мне свободу действий.

Предложение с моей стороны было явно опрометчивое, а потому полагал, что тем дело и окончится. Но через некоторое время д-р Данцигер меня уведомил, что автор (которого он знал лично) с этими условиями согласен. Результатом моей работы и стала эта книга, опубликованная F. J. Schulte & Company из Чикаго. К сожалению, издатели не преуспели и, на-

сколько мне известно, книга в широкой продаже так и не появилась.

В оригинальном виде повесть я никогда не читал, немецкого языка не знаю, поэтому мне неизвестно, насколько вольно д-р Данцигер обошелся с текстом автора. Мне он говорил, что ничего от себя не добавил. Тем не менее, в своих книгах, на титульных листах, в перечне собственных произведений, объявляет себя автором «Монаха и дочери палача». Помимо моей воли, данное утверждение вызвало дискуссию, которая и потребовала от меня тех слов, что я привел выше. Г-н Данцигер прибег к уловке и заявил, что герр Рихард Фосс позаимствовал свой сюжет из другого сочинения, а издатель счел нужным уведомить читателя: «В основе данного повествования — старинная рукопись, изначально принадлежавшая францисканскому монастырю в Берхтесгадене, Бавария. Рукопись была получена от некоего крестьянина герром Рихардом Фоссом из Гейдельберга, а немецкоязычная версия является адаптацией упомянутого манускрипта». Мне всегда казалось, что по отношению к труду г-на Фосса, которым я искренне восхищаюсь, это и неравнозначно, и несправедливо. Не в последнюю очередь данный мотив и удовлетворение от самого факта переиздания повести дают мне возможность воздать должное тому, чье великолепное воображение и есть главный источник этой истории. Я сохранил имя доктора Данцигера на титульном листе книги, но полагаю, заслуга последнего в ее появлении невелика. По сравнению с той версией, что была передана

им мне в руки, окончательный текст претерпел существенные изменения в сюжете, а объем ее увеличился.

*Амброз Бирс,
Вашингтон, округ Колумбия
29 ноября 1906 года*

I

В первый день мая, в год одна тысяча шестьсот восьмидесятый от рождения Господа нашего мы, монахи-францисканцы, Эгидий, Романус и Амброзий, были посланы отцом-настоятелем из города Пассау в монастырь Берхтесгатен, что близ Зальцбурга. Я, Амброзий, был самым молодым — всего двадцати одного года от роду.

Монастырь, куда мы направлялись, располагался, как мы знали, в дикой гористой местности, покрытой густыми лесами, населенными дикими зверями и злыми духами; и наши сердца преисполнились скорби: что-то нас ждет там... Но, поскольку обязанность любого христианина выполнять все повеления Церкви Христовой, мы не роптали и даже радовались, исполняя повеление нашего настоятеля.

Получив последние наставления и в последний раз вознеся молитву в храме нашей обители, мы затянули пояса, надели новые сандалии и отправились в путь, благословленные на прощание всей братией. Хотя путь наш был долгим и трудным, мы не утратили веры в Провидение, веры, которая дает силу молодости и опору старости. Вскоре боль расставания утихла, сердца наши наполнились радостью: впервые нам откры-

лась дивная красота и величие той земли, что создал для нас, ничтожных, Всевышний. Воздух дивно сиял и струился, будто сотканный из нитей одеяния Девы Марии; солнце сияло, словно Золотое Сердце Спасителя, несущее свет и жизнь всему живому; а темно-голубое небо как бы венчало прекрасный и величественный храм, в котором каждая травинка, каждый цветок, каждое живое существо радовалось во славу Бога.

Мы миновали великое множество городов, деревень, хуторов, что лежали на нашем пути, встретили множество людей разного обличия и ремесла, и многообразие это восхитило и повергло в изумление нас, бедных монахов. Обилие храмов, встреченных нами в пути, привет и доброе расположение христиан простого звания, равно как искреннее и повсеместное желание бескорыстно услужить нам, странникам, наполняло сердца наши счастьем. Богатство и благополучие церквей на этих землях лучше любых слов говорило, что живут здесь добрые христиане. Ухоженные сады и строения монастырей и приходов являли свидетельство заботы и радения паствы и пастырей. Наши сердца сладостно сжимались, когда слух ловил вблизи или в отдалении перезвон колоколов. Наши души словно впитывали эту музыку — что-то неземное слышалось в ней: будто ангелы на небесах пели Осанну во имя Господа.

Везде, где лежал наш путь, мы благословляли встречных именем нашего святого покровителя. В ответ все они дарили искреннее дружелюбие и радость: женщины и дети подолгу шли рядом с нами, провожая, толпились вокруг, чтобы поцеловать наши руки и испросить бла-

гословения. Казалось даже, будто мы уже вовсе не ничтожные слуги Божьи, а властители всей этой прекрасной земли. И хотя гордыня не поселилась в наших душах, и взгляд наш оставался смиренным, мы с робостью всматривались в собственные сердца, боясь, как бы не нарушить заповеди нашего Ордена и не согрешить, возгордившись.

Что же касается меня, то я, смиренный брат Амброзий, со стыдом и смятением обнаружил, что душа моя смущена греховными мыслями. Мне казалось, что женщины с большим удовольствием целуют мои руки, нежели руки моих товарищей, что, конечно же, было неверно, так как я вовсе не был более свят, чем они. Просто я был моложе и менее искушен в борьбе с дьявольскими соблазнами. Когда я вдруг ощутил женские чары и увидел, как девушки задерживают взгляды на моем лице, я устрасился: где найти силы, чтобы противостоять искушению? И начал понимать с ужасом и содроганием, что молитва, пост и вериги — одни, сами по себе, никого не сделают святыми, человеку нужно быть от рождения столь чистым душой и мыслями, чтобы соблазны были неведомы ему.

На ночь мы останавливались в каком-либо монастыре, где нас неизменно ждал радушный прием. Обильная еда и напитки всегда были на нашем столе. Когда мы приступали к трапезе, вокруг нас толпились монахи, выпрашивая новости о мире, в котором мы, благодаря нашему благословенному путешествию, увидели и узнали так много. Слыша же о цели нашего путешествия, нас обычно жалели за то, что мы обречены жить в горной глуши. Нам рассказывали о ледниках,

об увенчанных снегом вершинах огромных скал, ревущих водопадах и сумрачных лесах, а еще, обязательно, говорили об озере, столь страшном и загадочном, что нет подобного ему во всем мире. «О, Господи, укрепи силы наши!» — молились мы.

На пятый день путешествия, невдалеке от города Зальцбурга, нам явилось странное и загадочное видение. На горизонте, прямо перед нами, возникла гряда тяжелых облаков со многими серыми вкраплениями и пятнами более темного оттенка, а между ними и голубым небом лежала полоса совершенно белого цвета. Это зрелище глубоко встревожило нас и озадачило. Облака были неподвижны. Мы наблюдали часами, но ничто не менялось в этой картине. Позже, уже к вечеру, на закате, солнце озарило их. Облака чудно сияли и переливались, а временами, казалось, вспыхивали огнем!

Трудно выразить наше удивление, когда мы обнаружили, что заблуждались: это были вовсе не облака, а нагромождение скал. Это о них мы столько слышали в пути. А то, что мы принимали за белый небесный свод, оказалось снегом, что покрывал горные вершины.

II

Когда мы подошли ко входу в ущелье, что вело в глубь горной страны, смятение охватило нас: казалось, что это врата Ада. Позади осталась прекрасная земля, теперь мы готовились покинуть ее навсегда. Перед нами громоздились горы, теснины и сумрачные

леса. Они угнетали взор и таили опасности. Укрепив сердца наши молитвой и шепча проклятья врагу рода человеческого, мы приготовились вынести все, что бы нам ни было суждено, и двинулись навстречу неведомому.

С великой осторожностью мы продвигались вперед. Вскоре путь нам преградили гигантские деревья. Их тяжелые кроны почти скрывали свет небес, сумрак сгустился, и холод пронизал нас. Звуки наших шагов и голосов, когда у нас хватало смелости произнести хотя бы слово, возвращались к нам, отраженные скалами, теснившими тропу, по которой мы двигались. Но отзвуки эти были столь отчетливы, многократны и многоголосы, так причудливо искажены, что мы с трудом верили, будто это наши голоса и шаги, и что нас не сопровождают орды невидимых существ, которые специально насмеваются над нами и устрашают нас.

Огромные мрачные птицы срывались со своих гнезд, кружили над вершинами скал и зловеще глядели на нас, бредущих внизу; грифы и вороны кричали такими дикими, злыми голосами, что кровь стыла в жилах. Мы молились, но молитвы и гимны, которые мы пели, не могли успокоить наши души; казалось, они только призывали новых птиц, и те эхом своих голосов еще сильнее устрашали и вносили смятение в наши сердца. Поразительно было видеть огромные деревья, вырванные с корнем и громоздившиеся на склонах холмов; сама мысль о могуществе стихий, совершивших это, приводила нас в содрогание. Временами тропа, по которой мы шли,

жалась к самому краю обрыва. За ним, устрасая взор, зияла мрачная пропасть. Началась буря. Никогда не доводилось нам испытать ничего подобного: беспрестанно сверкавшие молнии почти ослепляли нас, а гром гремел с такой силой, что тысячекратно превосходил раскаты, слышанные доньше. Ужас окончательно подчинил наш разум, и каждую минуту мы со страхом ожидали, что сам дьявол обрушится на нас со скалы или свирепый горный медведь преградит нам путь. Но одни лишь олени да лисы изредка пересекали тропу. Страхи наши стали постепенно слабеть, и мы убедились, что святой Франциск — наш благословенный покровитель — не менее могущественен здесь, в горах, нежели в той прекрасной стране, которую мы покинули.

Долго мы шли и вот, наконец, достигли берега стремительного потока, чьи серебристые струи воистину радовали взор. В хрустально-чистой глубине мы разглядели благородных форелей, величиной ничуть не уступавших карпам в нашем монастырском пруду в Пассау. Даже в этих диких местах небеса не оставили своей заботой уставших путников!

У подножия величественных скал, покрытых лишайниками, раскинулся луг, на котором росли прекрасные небесно-синие и золотисто-желтые цветы. Названий их мы не знали, но брат Эгидий, столь же благочестивый, сколь и ученый, узнал их по своему гербарии и назвал нам. То были очень редкие цветы, встречавшиеся только в этой местности. Нас восхитил вид бриллиантовых жуков и бабочек, во множестве летавших над лугом. Мы собрали букеты и, счастливые,